Владимир Корвин-Пиотровский

Примеры господина аббата

ТЕМНЫЕ СТРАСТИ

SALAMANDRA P.V.V.

Владимир
КОРВИН-ПИОТРОВСКИЙ

ПРИМЕРЫ ГОСПОДИНА АББАТА

Salamandra P.V.V.

Корвин-Пиотровский В. Л.

Примеры господина аббата. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 54 с. — (Темные страсти).

В новом выпуске серии «Темные страсти» — первое современное переиздание книги видного поэта и прозаика русской эмиграции В. Л. Корвина-Пиотровского (1891-1966) «Примеры господина аббата», впервые вышедшей в 1922 г. Современники сочли этот цикл фантазий, в котором ощущается лукавый дух классической французской эротики, слишком фривольным и даже порнографическим.

© Salamandra P.V.V., подг. текста, оформление, 2019

ПРИМЕРЫ ГОСПОДИНА АББАТА

В. ПІОТРОВСКІЙ

ПРИМѢРЫ ГОСПОДИНА АББАТА

ИЗД. ТРУДЪ-БЕРЛИНЪ
MCMXXII

Этот аббат был очень верующим и даже набожным, но слишком отзывчивое сердце редко умещается в рамках строгой догмы.

Впрочем, его искренне любили и охотно прощали маленькие отступления от правил.

Разве стакан хорошего вина так уже вредит делу спасения?

Несмотря на свои шестьдесят лет и склонность к полноте, господин аббат отличался большой подвижностью. Он, обычно, усаживался в кресло только для того, чтобы рассказать какую-нибудь поучительную историю, которых знал множество.

«Не правда ли, это могло бы послужить сюжетом для новеллы?», — спрашивал он иногда и добродушно смеялся.

Он любил цветы и женщин; порой пытался даже ухаживать за своими собеседницами, и тогда дамы приходили в восторг.

«Женщина — это лучшее Божье создание», — часто говаривал он, — «и, право, иной женский грех стоит мужской добродетели. Во все времена и эпохи женщина одинакова; она меняет только наряды, сердце же ее неизменно. Не смейтесь, — в молодости я сам был офицером королевской артиллерии, это не мешает мне так думать».

И тогда старался подкрепить примерами свою мысль. Кто знает, может быть иные из них он выдумывал сам.

В его уютном саду так хорошо было слушать эти рассказы о трогательной, часто наивной, женской любви и преданности.

Он говорил несколько старомодным языком, но голос его звучал ласково и задушевно, и маленькие недостатки речи почти не замечались.

Иногда, глядя на цветы, он как бы убеждал с печальной улыбкой:

«Помните, сударь, что девственность — лучший цветок в саду Господа. Но сорванные цветы всегда умирают; не срывайте их без нужды. Девственность — это одна из творящих сил, хотя смысл ее не всегда нам ясен».

И приводил тому примеры.

Посвящается
С. К. Сочивко

СИЛА
КРОТКИХ

В одном городе, который был настолько мал и ничтожен, что имени его можно не называть, в большой нужде и неизвестности жил старый дворянин.

Он был так беден, что, когда ему случалось проходить по улице, за ним бежали городские мальчишки и обзывали его бранными прозвищами и нередко даже бросали вослед каменья.

Никто не знал, откуда он пришел и зачем поселился здесь, и ни с кем он не водил знакомства, да если б и захотел познакомиться с кем, то по своей крайней бедности кому мог бы быть приятен?

Жил он в старом домишке, на заброшенном кладбище, и никто не знал, как богат и знатен был когда-то этот нищий.

Теперь же у него от всего, чем владел раньше, осталась только дочь, по имени Мария.

Она нигде не показывалась, и это было для нее очень хорошо, так как при своей красоте она скоро стала бы предметом греховных вожделений праздных молодых людей.

Мария была так хороша, что на нее заглядывалось солнце, когда она садилась у окна, и птицы переставали петь на кладбищенских деревьях, внимая ее песням.

Особенно часто любила она петь про святого Георгия, который скачет на белом коне к пещере дракона.

Святой Георгий скачет на коне,
Его копье и щит из серебра;
Я буду ждать святого при луне
В моем саду до самого утра.

Оба они, отец и дочь, жили в любви и мире и как бы не замечали бедности.

Своими белыми руками она стирала белье и мыла полы, готовила обед, когда было что готовить, и тщательно вытирала черепки, служившие им посудой.

Когда же отец занемог и слег в постель, она стала собирать в соседнем лесу хворост и исполнять всю мужскую работу.

Но вот настал день, когда старик почувствовал приближение смерти. Тогда он подозвал к себе Марию и сказал:

«Дочь моя! Я скоро умру; но прежде, чем ты закроешь мне глаза, я хочу рассказать тебе вкратце свою жизнь; узнай, как извилисты пути человеческие и как карает Бог за нарушение слова.

Не всегда я был беден, и не такая жизнь ожидала тебя. Было время, когда всего у меня было в изобилии, много слуг, платья и золота, много богатых земель и построек; были у меня тогда и друзья, все знатные и доблестные люди.

Самым близким другом был мне в то время один богатый дворянин, по имени Марк, превосходивший знатностью всех остальных и почитаемый самим королем.

Я спас ему жизнь на охоте, и с тех пор мы стали неразлучны. В знак неизгладимого воспоминания о взаимной любви, мы поклялись обручить наших первенцев, ежели Богу угодно будет благословить нас детьми.

Казалось, ничто не может стать между нами.

Но у Марка было много завистников; они очернили его перед королем, король поверил обманщикам и велел отобрать у моего друга все имущество, а самого его навсегда изгнать из пределов государства.

В это время Бог подарил мне тебя.

Вместо того, чтобы порадовать Марка этим известием, я малодушно поддался общему настроению и даже не ответил на его послание, в котором он доказывал свою невиновность.

Дочь моя! Это был тяжкий грех, ибо в глубине души я был уверен, как никто, что благородный Марк не мог совершить никакого дурного проступка.

Итак, я добровольно отказался от лучшего друга и нарушил обещание, которое дал раньше.

Я успокаивал свою совесть тем, что, если бы у Марка и родился мальчик, ты оказалась бы старше его, и такой брак был бы несчастным...

Действительно, через два года после твоего появления на свет у Марка в изгнании родился сын, которого он назвал Георгием, в честь святого, победившего дракона лжи.

Но, видно, Бог не прощает обмана и вероломства. Совесть моя стала неспокойной и, чтобы усыпить ее, я предался разным забавам, расстроившим мое состояние и здоровье и причинившим много горя твоей матери.

Глядя на мое беспутство, она быстро таяла и в один несчастный день умерла.

К тому времени я окончательно разорился и, спасаясь от долгов, под вымышленным именем бежал в чужой город.

Несчастия стали преследовать меня. Я нигде не мог устроиться и, вот, под конец очутился здесь в полной нищете и одиночестве».

Тут старец прервал свой рассказ и горько заплакал. Мария, сама растроганная до слез, как могла утешала и ободряла его, и, немного успокоившись, он продолжал:

«Я должен еще открыть тебе, что через несколько лет после моего бегства, король удостоверился в честности Марка, вновь призвал его к себе и окружил большими почестями.

Правда, обессиленный скитальческой жизнью, Марк скоро умер, но его сын жив, и слава о его скромности, уме и красоте дошла даже до этого города.

Увы, дочь моя! Твое счастье разрушено моими руками, и мне остается только дать в том отчет перед престолом Всемогущего Творца, и минута эта, я чувствую, приближается.

Я ничего не могу оставить тебе в наследство, кроме благословения и советов.

Господь наградил тебя редкой красотой и здоровьем, тебе уже восемнадцать лет; этот возраст особенно привлекает соблазнителей, но знай: у тебя не будет другого защитника, кроме чести.

Но, что бы ни случилось с тобой, больше всего будь верна раз данному обету или обещанию, ибо ложь хуже пре-

любодеяния и добродетель — ненужное украшение для лжеца».

Мария тихо плакала, слушая исповедь отца, когда же он окончил, сказала:

«Отец! Велики были ваши испытания, но раскаяние уменьшает вину. Что же касается меня, то я всегда буду помнить ваши наставления и до конца дней моих буду почитать вашу память. Обещание же, данное вами другу вашему, я постараюсь исполнить за вас и если не сделаюсь женой Георгия, то, приношу в том клятву перед Богом, ничьей женой больше не буду и умру в девичестве».

* * * * * * * * * * * * * * *

К вечеру старый дворянин умер, и, похоронив его, Мария отправилась в путь, так как ей ничего больше не оставалось делать в этом городе.

Дорога в столицу, куда направилась Мария, была длинна и небезопасна.

Там она думала собрать о своем нареченном точные сведения, а во всем остальном положилась на волю Провидения.

Она шла днем и ночью, почти без отдыха, зарабатывая пропитание случайной работой.

Несколько раз случалось, что молодые гуляки делали ей соблазнительные предложения, но Мария каждый раз их отвергала и торопилась скрыться от преследований.

Однажды ночью на нее напал в дороге пьяный бродяга и хотел силой получить то, чего другие не могли добиться ухищрениями; Марии понадобилось призвать на помощь всю свою добродетель, чтобы вырваться из его объятий и убежать.

С тех пор она предпочитала путешествовать днем, а ночью останавливалась в гостиницах и постоялых дворах, предлагая работу в обмен за пищу.

Так шла она много дней, пока ей, наконец, не сказали, что столица уже близка и находится всего в трех днях пути.

Ночью она по обыкновению постучалась в двери какой-то харчевни, стоявшей на большой дороге, и скромно вошла в помещение.

За прилавком стояла толстая женщина, хозяйка гостиницы, и громко хохотала на шутки двух молодых людей, сидевших за столом и пивших вино.

Заметив входящую девушку, она сделала суровое лицо и спросила:

«Что тебе здесь надо?»

— Я ищу работы, — отвечала Мария, — и, если вы позволите мне переночевать, я готова делать все, что нужно.

«Здесь не богадельня», — закричала хозяйка, — «убирайся отсюда по добру, по здорову, я не могу пускать в гостиницу всяких потаскух».

Мария повернулась и хотела идти, но один из молодых людей остановил ее:

«Подожди немного, красавица, я постараюсь уговорить хозяйку. Ночь темна, и такой красотке небезопасно ходить по дорогам одной».

После этого он подошел к толстухе и начал о чем-то с ней шептаться. Хозяйка внимательно выслушала его и потом громко сказала:

«Хорошо, я сделаю это только для вас, кавалер, потому что у вас доброе сердце».

И обратилась к Марии с такими словами:

«Поди, поблагодари этого доброго господина, без него ты ночевала бы сегодня на улице».

Мария вежливо поклонилась обоим приятелям и в тот же час принялась за работу. Она подавала кушанья путешественникам, которых тут было еще несколько, убирала посуду и мыла стаканы. Два приятеля, по виду дворяне, часто требовали вина и каждый раз, когда она к ним подходила, опирались рукой на эфес шпаги и закручивали усы.

* * * * * * * * * * * * * * *

К концу вечера, когда часть посетителей разошлась по своим комнатам, Мария спросила у кавалеров, не слышали ль они чего о Георгии.

Те громко рассмеялись, и один из них сказал:

«Не собираешься ли ты в гости к этому кавалеру? Увы, он так скромен и невинен, что не подымает на женщину глаз. Кроме того, он слишком молод, и у него строгий опекун. Во всяком случае, молодчик сейчас где-то в поместье, недалеко отсюда. Крестьянские девушки обломали все зубы об его добродетель».

Слыша то, Мария очень обрадовалась и подумала, что теперь уже наверно его увидит.

Поздно ночью, когда все разошлись по своим помещениям, хозяйка отвела Марию в маленькую каморку под лестницей и велела ей раздеться донага.

Мария очень удивилась и смутилась, но хозяйка заявила:

«Откуда я знаю тебя? Может быть ты честная девушка, а может быть и воровка. Без белья и одежды ты от меня не убежишь, а утром я отпущу тебя на все четыре стороны».

Мария со вздохом согласилась и, когда хозяйка ушла, притворила дверь и легла на грязную жесткую постель, освещенную яркой луной. Истомленная долгой дорогой и работой, она скоро заснула, и ей приснился необыкновенный сон.

Будто сидит она у окна своей комнаты на кладбище и смотрит во двор. Золотой месяц подымается все выше и выше и заливает светом землю и небо.

Вот по земле развивается блестящая дорога, а по ней скачет неведомый всадник. Он подъезжает все ближе, и она начинает различать черты его лица. Он необыкновенно молод и прекрасен. Конь его бел, как молоко, а копье и щит из чистого серебра. Святой Георгий.

И она запела во сне песенку:

Святой Георгий скачет на коне,
Его копье и щит из серебра;

Я буду ждать святого при луне
В моем саду до самого утра.

Он улыбается ей издали приветливой улыбкой и протягивает навстречу руки.

Конский топот становится слышнее на мягкой дороге, и от этого шума она пробуждается. Сердце сладко бьется в ее груди, она не хочет сразу открыть глаз и всем обнаженным телом просит объятий.

Но шум с пробуждением не исчез.

Мария стала прислушиваться и вдруг с ужасом поняла, что за дверью шепчутся те два кавалера, которым она подавала вино. Боясь выдать себя неосторожным движением, она продолжала лежать в прежнем положении, хотя стыд проходил по ее телу горячей волной.

Она старалась узнать, о чем говорят молодые люди, и скоро до нее долетели слова тихого разговора:

«Я думаю, что если ей предложить хорошую плату, она не откажется переночевать с нами», шептал один.

Но другой возразил:

«Глупец, разве ты не догадываешься, что она девственна и притом необыкновенно скромна? Она ни разу не посмотрела на меня вечером. Нет, здесь плата не поможет, надо придумать что-нибудь другое».

Потом первый зашептал снова: «Клянусь зубом святого Петра, я еще не видел девушки соблазнительнее. Если это не сама богиня Венус, то, наверное, ее дочь. Я больше не могу стоять спокойно и иду к ней».

Он сделал движение, чтобы открыть дверь. Сердце Марии перестало биться от страха, но второй схватил приятеля за руку и недовольно пробормотал:

«Почему именно ты должен лишить ее невинности? Она нравится мне не меньше твоего и я имею на то такое же право и желание».

Между ними готова была завязаться ссора, но первый возразил:

«Послушай, перестань шуметь, потому что от этого может произойти вред для нас обоих. Лучше будет, если мы

пойдем обратно наверх и бросим жребий. Кому выпадет быть первым, пусть того и будет, — во всяком случае в ней хватит удовольствия для двух. Если первый получит больше наслаждения, на долю второго придется меньше борьбы».

Согласившись на этом, они повели друг друга за руку вверх по лестнице, стараясь не стучать и не скрипеть сапогами.

Мария была очень испугана и взволнована. Сначала она хотела броситься к хозяйке и рассказать обо всем случившемся, но скоро догадалась, что это бесполезно. Для нее стало ясным, что хозяйка сама участвует в заговоре и нарочно унесла платье.

И кому бы она могла пожаловаться? Другие постояльцы, которых она здесь видела, были мелкими ремесленниками и, конечно, не захотели бы ввязываться в ссору с дворянами.

Харчевня стояла на большой дороге, и поблизости не было никакого жилья, где бы она могла укрыться. Оставалось только одно: бежать, куда глаза глядят, и поскорее добраться до леса, где легче спрятаться.

Почти не дыша, она поднялась и тщетно стала искать чего-нибудь, чтобы прикрыть свою наготу. Напрасно.

Хозяйка унесла все. Не было не только одеяла, но даже тряпки, чтобы опоясаться.

Но так как время шло, и кавалеры могли вернуться каждую минуту, она не стала долго раздумывать и взобралась на табурет. Окно было мало, но не настолько, чтобы она не могла пролезть. Несколько ловких движений, несколько царапин и ссадин, и она очутилась на дворе.

Луна светила очень ярко, но никого не было видно вокруг. С большими осторожностями добралась Мария до каменной стены, окружавшей двор, перелезла через нее и пустилась бежать в поле, туда, где чернел далекий лес. «Святой Георгий, защити меня», молилась она, и, казалось, силы ее удвоились.

Вот уже скрылись огни харчевни, и из лесу потянуло свежей прохладой.

Оставалось только перепрыгнуть глубокий ров; она сделала последнее усилие, и опасность осталась позади.

Над головой ее зашумели деревья, и никогда раньше шелест листьев не был ей так приятен, как теперь.

Мария прошла еще несколько шагов и, задыхаясь от быстрого бега, опустилась на землю.

Было лето, и стояла хорошая теплая погода.

Помолившись Богу, она решила переночевать где-нибудь под деревом и, выбрав сухое место, устроилась на ночлег.

Это была вторая большая опасность, какой она подверглась на своем пути, и прежде, чем заснуть, она невольно подумала о тех лишениях и горестях, которые ее ожидают в будущем.

И, засыпая, снова вспомнила прекрасного юношу, виденного этой ночью во сне, и подумала, что таким должен быть тот, кого она еще не знала, но кого уже любила всем сердцем и к кому стремилась всей душой и телом.

* * * * * * * * * * * * * * *

Проснулась беглянка рано утром от громкого собачьего лая. Прямо на нее неслась большая гончая, но в это же время из кустов вылетел молочно-белый конь, управляемый юношей дивной красоты. Юноша подозвал собаку и стал осматриваться кругом.

Случайно взгляд его упал на голое тело Марии, пытавшейся закрыться руками. Она была похожа на богиню охоты Диану, и необыкновенное смущение делало ее еще прекраснее. Увидев ее, охотник залился горячим румянцем, но, несмотря на то, что и сам чувствовал крайний стыд, не мог оторвать глаз от необыкновенного видения.

Так стояли они друг против друга, ни одним словом не нарушая молчания, и неизвестно, сколько времени это продлилось бы, но вдруг его конь громко заржал, как бы разделяя восторг своего господина.

В эту минуту невдалеке послышалось ответное ржанье, и стройная кобылица рыжей масти вынесла из-за деревьев другого всадника.

Это был мужчина средних лет с хмурым лицом, на котором недвижно горели два больших черных глаза.

Увидев происходящее, он на всем скаку осадил кобылицу и закричал громовым голосом:

«Перестань глядеть, Георгий, ибо от такой красоты можно ослепнуть».

Юноша сразу пришел в себя, лицо его вспыхнуло еще больше, и, быстро повернув коня, он бросился обратно в чащу; от движения его светлые кудри затрепетали, как сияние вокруг головы святого.

Тогда неизвестный подъехал ближе и, насквозь прожигая девицу взглядом, спросил:

«Кто ты и почему на тебе ничего нет?»

Не зная, куда деваться от его глаз, Мария наскоро рассказала историю ночного бегства и попросила дать ей плащ, чтобы прикрыть наготу.

Неизвестный с видимой неохотой дал просимое, но не удержался, чтобы не пробормотать:

«Клянусь, я готов щедро вознаградить этих бездельников за то, что они дали мне случай лицезреть такую красоту».

И, обращаясь к Марии, сказал:

«Девушка, если ты даже ничего не умеешь, ты все же можешь получить в этом поместье все необходимое. Иди за мной».

Благословляя небо, Мария пошла за господином, медленно ехавшим на коне, и скоро добралась до имения, где ей предоставили помещение и обильно снабдили платьем.

Слугам был отдан приказ обращаться с ней почтительно и исполнять все ее желания, как если бы она была госпожой имения.

Отдохнув немного, Мария начала обдумывать свое положение.

«Если я обязана исполнить обет», — говорила она себе, — «то Георгий его исполнять вовсе не обязан. Соглашение

было нарушено моим отцом, поэтому я не вправе от него чего-либо требовать. Да и не хочу я ничем его связывать, но если бы он избрал меня добровольно, я день и ночь готова благодарить Пресвятую Деву».

Образ юноши сразу запал в ее сердце, и она уже знала, что это ее избранный.

Прошло несколько дней, а он не показывался, зато опекун приходил слишком часто.

Она уже стала отчаиваться, думая, что при первой встрече своим голым телом оскорбила целомудрие юноши и тем внушила к себе отвращение, как встретила его однажды в саду.

Увидев ее, юноша быстро повернулся, как бы желая бежать, но овладел собой, подошел к Марии и, взяв ее за руку, произнес тихим голосом:

«Бойтесь опекуна, это злой человек, и в минуту опасности не забывайте обо мне. И знайте: на всей земле у вас нет друга более преданного вам, чем я».

Потом, бросив на нее восторженный взгляд, скрылся за деревьями.

Мария так была поражена происшедшим, что дрожала всем телом. Теперь она была уверена, что не противна ему, и эта мысль наполняла ее блаженством.

Чем чаще становились посещения опекуна, тем больше думала она о своем возлюбленном и тем больше хотела его увидеть.

Георгий же, каждую ночь видя ее во сне так, как увидел в лесу в первый раз, просыпался, дрожа от страсти.

Опекун скоро заметил его волнение и как-то сказал ему:

«Мне кажется, что вы не на шутку увлеклись молодой девушкой. В ваши годы это опасно, поэтому постарайтесь о ней не думать. Кроме того, она низкого происхождения, и о ней нельзя думать серьезно».

Услышав это, Георгий вскочил в гневе. Он крикнул опекуну, что не позволит так отзываться о той, чью чистоту можно сравнить с чистотой Мадонны.

«И кроме того», — прибавил он, — «если я избрал ее своим сердцем, никто не смеет становиться мне на дороге».

В ответ на это опекун засмеялся и вышел из комнаты.

«Все же опасно», — думал он, выходя, — «ждать, пока у звереныша отрастут когти».

В тот же день он отослал из имения наиболее старых слуг и оставил только тех, на кого мог положиться.

* * * * * * * * * * * * * * *

Вид опекуна внушал Марии страх. Смутно она догадывалась о его скрытых помыслах, но, дорожа близостью к Георгию, решила терпеливо нести новые испытания.

С каждой встречей опекун становился настойчивее; он уже не довольствовался отдаленными намеками и переходил к открытой игре.

Раз он пришел к Марии поздним вечером и, прикрыв за собой двери, попросил разрешение переговорить о важном деле.

Думая, что разговор будет о ее возлюбленном, Мария согласилась, но с первого же его слова поняла, что ошиблась.

Глаза его в этот вечер сверкали, как никогда, и голос звучал глухо.

«Послушайте, красавица», — сказал он, — «вы наверно уже догадались, что мое сердце занято вами, отчего же вы напускаете на себя неприступность? Знайте, не было еще женщины, которой бы я не обладал, если хотел этого. Я не знаю, кто вы. Судя по вашим рассказам, вы — бедная девушка, судя по вашему виду и обращению, вы — больше того, что говорите,— но, будь вы самой святой Агнессой, я все равно овладею вами. Я дам вам большие богатства, все удобства роскоши и все радости, связанные с нею. Посмотрите на меня: я не стар, не урод, и многие дамы отдались бы мне с радостью. Я обещаю бросить для вас всех женщин, но взамен требую покорности и верности».

Услышав это, Мария гневно ответила:

«Господин! Бог отнял у меня все, что я могла иметь, но у меня осталась честь, и она не продается. Горе тому чело-

веку, который полагает цену любви в золоте. Уйдите от меня, вы мне нестерпимы».

Когда же он стал доказывать, что она отталкивает свое счастье по неопытности, Мария в большом волнении произнесла:

«Послушайте, если в вашем сердце есть честь, оставьте меня. Поймите, на всем свете есть только один, кто может быть моим господином, и я день и ночь молю Бога, чтобы он позволил мне быть последней служанкой Георгия».

Тогда опекун заскрежетал зубами от ярости и крикнул:

«Ты сама произнесла своему любовнику смертный приговор. Но, клянусь сатаной, никакая сила в мире не поможет тебе, и ты все равно будешь принадлежать мне. Знай, каждую минуту я могу взять тебя силой и сделаю это».

И, позвав самых преданных слуг, он велел им стеречь Марию, а сам быстро вышел из покоев, расточая хулы и проклятия.

Только теперь догадалась Мария, каким опасностям подвергла Георгия, но напрасно она умоляла слуг выпустить ее и предупредить юношу; они были непреклонны.

Опекун тем временем собрал остальных слуг и, частью обещанием наград, частью угрозами, заставил их схватить Георгия и заточить в старой башне, куда сквозь узкое оконце едва проникал дневной свет.

Чтобы продлить мучения счастливого соперника, он решил уморить его голодной смертью.

Кому придет в голову подозревать убийство?

Что же касается Марии, то никто в этом крае не знал ее, и, по-видимому, она была одинока.

После того, он еще три дня убеждал ее отдаться добровольно, пока она не заявила, что предпочтет смерть позору. На четвертую ночь он призвал слуг, приказал им раздеть девицу и привязать веревками к постели; они исполнили это очень охотно, потому что каждому хотелось увидеть красавицу обнаженной и, как бы нечаянно, потрогать ее тело.

Когда слуги ушли, он тоже разделся и подошел к Марии. Несчастная тихо стонала, не будучи в силах что-либо предпринять в свою защиту, и он долго любовался ее стра-

даниями и видом прекрасного тела.

Страсть в нем горела, а сознание близкого обладания доставляло ему необычайное наслаждение.

Когда он лег с нею рядом, Мария, считая себя уже погибшей, начала горячо молиться Богу, и из глаз ее побежали крупные слезы.

Она просила Деву Марию оказать чудо и спасти ее.

В эту минуту она стала столь прекрасной в своем отчаянии, все ее тело засияло таким светом невинности, что изверг совсем потерял голову.

И вот произошло то, чего он никак не ожидал.

Его желания распалились до последнего предела, и он не успел донести до нее своей похоти.

Торопливо одевшись, он вышел в бешенстве, а Мария громко возблагодарила Бога за оказанную милость.

То же происходило и во все последующие ночи.

Семь раз погружалась Мария в бездны отчаяния и семь раз возносила небу горячую хвалу.

На десятый день заточения юноши тиран убедился в своей неспособности исполнить преступление.

Он пришел к Марии и сказал:

«По причинам, мне неизвестным, я принужден оставить тебе девственность, но не радуйся заранее. Твой возлюбленный уже десять дней находится без воды и пищи, в эту же ночь я велю заточить и тебя вместе с ним. Ты будешь свидетельницей его последних мучений, и в этом будет тебе награда за твою добродетель. Теперь мне не страшно его соперничество: чего не мог сделать я в своей силе, того не сделает он в своей слабости. Звереныш уже не двигается и находится при последнем издыхании».

По его приказанию слуги схватили Марию и отвели в башню, где томился Георгий. Они заперли за нею тяжелую дубовую дверь, окованную железом, и передали ключ своему господину, и тот забросил ключ в озеро.

Едва закрылись двери, как Мария услышала слабый стон, доносившийся из угла. Держась руками о стены, она подошла в темноте к тому месту, откуда раздавались стоны, и скоро наткнулась на беспомощно распростертое тело воз-

любленного. Истомленный голодом, он, казалось, не мог пошевельнуть ни одним членом, но, узнав голос Марии, протянул к ней руки и сделал попытку приподняться. Затем снова упал.

Осыпая ласковыми именами, Мария приподняла юношу и старалась привести его в чувство. Она положила к себе на колени бессильную голову и поцелуем пыталась вдохнуть жизнь в его уста, орошая их слезами.

Так прошла ночь, и наступило утро.

Но напрасно она окликала Георгия, напрасно сжимала его в своих объятиях, он уже наполовину принадлежал смерти, и только случайные вздохи его говорили о жизни.

Всмотревшись в его исхудалое лицо, Мария поняла, что он должен умереть.

Ей показалось, что ее собственное сердце перестает биться и ее собственная кровь перестает двигаться в жилах.

И снова обратилась она с горячей молитвой к Пресвятой Деве, прося у нее заступничества и помощи. Молитва принесла ей краткое облегчение.

Но ни признака пищи не было кругом.

Тогда, желая хоть на миг обмануть муки его голода, Мария преодолела девичий стыд и дала ему грудь; и тут произошло чудо: из розового сосца девственницы вдруг брызнуло сладкое молоко.

Узник жадно стал пить его, и, чем больше пил, тем румянее становились его щеки и тем крепче становилось тело.

В продолжение многих дней питала она Георгия, и силы его увеличивались. А когда слабела сама, он выжимал молоко в свою пригоршню и давал ей.

И молоко не иссякало в груди ее.

Двадцать дней прожили они так, наслаждаясь взаимной любовью и вознося благодарения Господу. Тут впервые призналась Мария в своем обете и рассказала историю их обручения с самого начала, как знала сама.

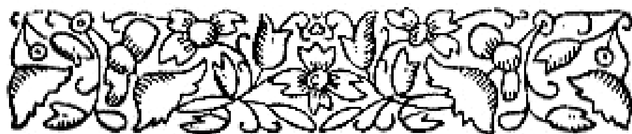
Между тем кто-то из слуг донес на злодеяние опекуна, и по приказанию короля убийцу схватили, посадили под стражу и, расспросив свидетелей, приказали взломать тяжелые двери башни.

Все были уверены, что найдут там два трупа, но каково же было изумление, когда навстречу им вышли сияющие здоровьем, красотой и радостью чудесно спасенные влюбленные.

Весть об этом быстро облетела всю страну, и свадьбу их почтил своим присутствием сам король.

А святейший отец прислал из Рима благословение, кончавшееся словами:

«Ничего без Бога, ничего кроме Бога, да святится имя Его. Его же милостью кроткие побеждают».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Марта давно знала, что любит Луку. Она полюбила его еще в детстве и до сих пор безмолвно лелеяла воспоминания о прошлом.

Да, было время, когда их купали в одном корыте. Мальчик громко смеялся и брызгал на нее водой: маленький ангелочек с ласковыми глазами.

Они по очереди сосали одну и ту же грудь, так как мать Марты была его кормилицей.

Не забыл ли Лука? Он ведь долго жил в чужом большом городе, где, говорят, воспоминания детства не нужны никому.

Он во всем слушался подругу и делился с ней игрушками. Вон под образом Мадонны отдыхает от трудов старая лошадка, выцветшая, бесхвостая, с переломанной ногой...

Все же, сколько лет прошло?

Теперь ей тридцать, значит почти четверть века осталось за спиною.

А первое причастие?

На ней было новое белое платье, обшитое кружевами, в руках молитвенник; священник говорил длинную проповедь, а в церкви играло солнце.

Лука улыбался ей так приветливо своими розовыми губами.

* * * * * * * * * * * * * * *

Когда мать вторично вышла замуж, Марте пришлось много вынести.

Отчим сначала едва терпел ее, потом стал ласковым свы-

ше меры.

Борьба велась упорная и тяжелая. Он шпионил за ней без отдыха, надоедал на каждом шагу, при каждом случае.

А история с лавочником?

Ее едва не выдали силой, отчим — чтоб отомстить, мать — прельстившись подарками.

«Старая дева».

Вынужденные уступить, они обливали ее презрением, досаждали, чем могли, оскорбляли без причины и повода. Маленькие братья и сестры издевались над ней, как хотели, жаловаться было некому.

Да, тяжело жилось.

Но что же было делать? Обманывать мать с отчимом или выйти за лавочника? Или за кого другого?

Их было много, желавших на ней жениться. Постепенно все оставили ее в покое.

«Старая дева».

Мадонна знает, как она счастлива, что осталась девушкой.

Он, наконец, приехал.

Давно, давно, на третий день после первого причастия, целуя на прощание ее глаза, распухшие от слез, он сказал:

«Я вернусь. Жди меня, я непременно вернусь».

* * * * * * * * * * * * * * *

Она пришла с двумя огромными букетами роз.

«Правда, это очень мило, что ты не забыла меня. Конечно, конечно, я отлично все помню, ты была такой хорошенькой... Не называй меня сударем, это скверно звучит. Ну, что же нового в деревне?»

Ей казалось, что сердце бьется слишком громко, но как сдержать его стук?

Лука улыбается. Это та же улыбка. Он страшно похож на прежнего Луку. Только волосы на голове странно поредели, вокруг глаз много морщин. Но похож...

— Как? Она еще не замужем? А он думал... у нее такая полная грудь...

— Право, тут нечего стесняться, она очень хорошенькая. И для тридцати лет удивительно моложава.

«Ну, ну, признайся, ведь не может же быть, чтобы не было ни одного любовника. Ни одного? Черт возьми, значит, действительно невинна? В наши дни это больше, чем редкость».

Он уже охватил рукой ее стан и заглядывает в глаза.

Ей кажется, что глаза его слегка потускнели. И рот бледный...

— Что? Но если бы тогда, после причастия, он захотел, — она согласилась бы? Да? Согласилась бы?

— Проклятие, каким он был глупым мальчишкой! Она ведь была тогда совсем девочкой, почти ребенком. И она согласилась бы!

— О, он все отлично помнит. Она была очаровательной куколкой, белое платье ей так шло к лицу.

— А еще раньше, когда они были малышами.

— Он частенько таки трогал ее руками во время купаний.

— Ха-ха-ха. Она была толстенькая, а на правой ноге, значительно выше колена, у нее родинка.

— Он непременно хочет ее посмотреть, сию же минуту...

— Нет, пусть она называет его просто Лукой. Ведь она его любит?

— А он сдержал свое слово, он приехал.

— Кстати: если она девственна, следовательно ничего еще не знает и не умеет? Но он научит. О, он знает такие штучки!

Он показывает ей какие-то картинки. Марта не сразу поняла их смысл.

Ах, Боже мой! Ея щеки заливает горячая краска стыда, ей хочется убежать домой, забраться в свою комнату и плакать.

— Значит, она придет? Старики, наверное, ложатся спать рано.

Он будет ждать ровно в час, возле маленькой садовой

калитки.

* * * * * * * * * * * * * * *

Пробило час.

Образ Мадонны затуманен слезами. Или это у нее самой из глаз текут слезы?

Теперь он стоит у калитки и ждет.

Время бежит быстро, словно часы бьют в такт с сердцем.

У лошадки совсем вылез хвост, краска облезла и потрескалась.

Что он говорил сегодня?

А его лицо... Оно такое бледное и усталое...

Часы бьют два. Он, наверное, уже не ждет.

Заря занимается все шире и шире:

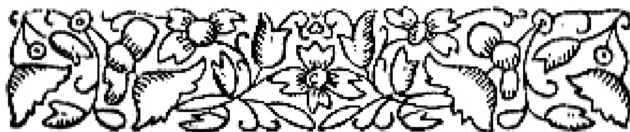
Из соседнего дома выплеснули на улицу воду. Это, должно быть, проснулся лавочник.

* * * * * * * * * * * * * * *

Марта навсегда осталась старой девой.

Не спеша, проходили годы; среди них были такие, что выпили со щек румянец и некрасиво наморщили на лбу кожу.

Если бы Лука приехал еще раз, он уже не узнал бы Марты или, во всяком случае, не захотел бы узнать ее.

Баронессе Ванде Паульсен-фон-Штейн
посвящаю

ЖИЗНЬ И КОНЧИНА СВЯТОЙ ЕЛИЗАВЕТЫ, БЛУДНИЦЫ ВО ХРИСТЕ

Богу было угодно, чтобы великие тяжести и испытания, какие налагает на венценосцев власть, были возложены на слабые плечи тринадцатилетней девочки.

Было то тяжелое время.

Много походов совершил ее отец, много земель исходил его конь, и там, где ступал он, переставала расти жатва, и города пылали, как восковые свечи.

Суров и властолюбив был Великий Герцог Лев, и недаром прозвали его «Длинный Меч». Не было такого уголка на земле, куда бы не могло проникнуть острие его лезвия.

Удивительно ли, что все соседние государи трепетали перед его гневом? Говорили, что даже сам святейший папа, называвший герцога стражем церкви Христовой, втайне возносил молитвы о его погибели.

Слава этого государя была так же велика, как его могущество, ибо мера воинской славы — кровь, а с меча его стекло много крови: если бы ее собрать в одно место, то было бы большое озеро.

Когда великого государя похоронили, всему народу, и всем соседям, и святейшему отцу объявили, что власть приняла достославнейшая и добродетельнейшая Великая Герцогиня Елизавета, а за малолетством советником и помощником ей будет дядя ее, всемилостивейший граф Фома.

Много говорили в ту пору о свершившемся. Некоторые вассалы дерзнули даже припомнить давние вольности, только всемилостивейший Фома пресек заблуждения в корне.

Духовник Елизаветы, аббат Юлий Кароцци, так написал тогда в Рим:

«Если истинно, что христианнейший Лев был мечом своего народа, то Великая Герцогиня Елизавета есть тот посох, на который каждый подданный ее в длинном пути опереть-

ся может. А в дальней дороге преуспеяния посох не менее полезен, чем меч, а может и более...»

По всем городам и селам прошла молва о добродетелях и доброте юной государыни, а также и о красоте ее. Скоро многие знатные принцы стали помышлять о супружестве с ней, но всем был один ответ:

«Хоть и поистине прекрасна собой Елизавета, хоть умом своим превосходит многих испытанных мужей, но по крайней молодости своей к браку неподготовлена».

Так проходили дни за днями, и с каждым днем все более расцветала избранная Промыслом Божьим, и с каждым днем умножались ее добродетели и знания.

Сердцем ее руководил духовник Кароцци, монах, настолько умертвивший свою плоть, что от нее остался скелет с пылающими глазами, а мудрости обучал дядя-опекун.

— «Первая забота государя, — говорил граф Фома, — есть попечение о благе подданных. Государь — это как бы солнце, что изливает свет и тепло на все, его окружающее. А что окружает солнце? Луна и звезды. Что окружает государя? Верные слуги его, день и ночь пекущиеся о его славе. Государя окружают государственные мужи, советники и близкие по крови. И как луна и звезды питаются солнечным светом, так и близкие государя должны питаться светом своего господина. А через то и во всем государстве будет покой и благоденствие, ибо если псы, стерегущие стадо, сыты, то и стадо цело, и пастух не знает забот».

А аббат говорил неоднократно:

— «Паче всего, государыня, чтите завет Господень. Господь наш Иисус Христос приходил в мир для спасения Своих овец и кровь Свою пролил за них. Нам ли переступать заветы Господа нашего? Памятуйте об овцах Христовых. А кто овцы эти? Все, что уверовали в пролитую кровь, и все они собраны в единую церковь нашу, а над ней Господом поставлен святейший отец наш, благочестивый папа. То значит, что надлежит помогать наместнику апостола в пастьбе его и всемерно облегчать ее, и помощь та — для Господа Бога».

Благочестив был духовник государыни и мудр опекун ее.

Не любил воевать Фома.

«К чему», — говорил он, — «обнажать меч там, где довольно одного рассудка и терпения. Взявшийся за меч от меча и погибает. Вырывший яму другому, сам в нее и упадет. Вот, восстали было вассалы против опекунства моего, а что из того вышло? Сами же друг друга побили, один другому разорили земли и замки, а я в кротости до сих пор пребываю».

Так мудр был граф, что порой никто и догадаться не мог, о чем он думает, да и небезопасно было догадываться о том, ибо кротость ягненка иногда опаснее змеиного укуса.

А духовник поучал:

«Если брат и сестра от одного отца и матери, то значит, что они как бы одно. А граф Фома — брат вашей матери, государыня, через то как бы заменяет вам мать вашу; слушайтесь его и почитайте, ибо он опекун ваш, и старший родственник, и преданный слуга. Что было бы без него, когда восстали вассалы? А он усмирил их единой кротостью и смирением. А мятежники покараны Богом, и сколько их и по сей час еще висит по большим дорогам?»

Когда день приходил к концу, она оставалась одна и долго раздумывала над всем виденным и слышанным.

Порой из башни, где помещался духовник, до нее долетали громкие крики и стоны, — то аббат, прежде, чем опочить на суровом ложе, предавался самобичеванию.

Порой было слышно, как в дальних покоях тяжко шагал граф, обдумывая сокровенные замыслы.

А то пробегали быстрые ноги маленьких пажей, часто забиравшихся в спальни к придворным дамам, откуда их к утру непременно прогоняли.

* * * * * * * * * * * * * * *

Каждый день украшал Елизавету новыми прелестями. Поэты воспевали ее красоту в стихах, а рыцари и многие князья писали ее имя на своих щитах.

Когда исполнилось ей полных четырнадцать лет, она была по виду взрослой девой.

И вот пришел к ней однажды духовник, аббат Кароцци, и повел речь о том, что грех зарывать таланты, данные от Бога, и нельзя держать свет под спудом.

«Посмотрите», — говорил он, — «ваша грудь достаточно созрела, чтобы наполниться молоком для младенца. Вспомните, что и Пресвятая Дева Мария была немногим старше вас, когда зачала от Духа Святого.

Брак есть такое же таинство, как крещение или причащение, и от него так же грешно отказываться или пренебрегать им, как и крещением».

«Отец мой», — отвечала Елизавета, — «запрещал ли Господь сохранять чистоту? Вот и вы удалились от мирских забот и надели монашескую рясу, грешно ли это?»

«Дочь моя», — сказал аббат, — «одно дело монашество, а другое дело пренебречь таинством брака в миру. Не забывайте, что вы поставлены во главе христианского народа, и через то Бог возложил на вас особые задачи; рано или поздно, вы должны передать их своему преемнику. Не годится вам, дочь моя, содержать себя дольше в чистоте, ибо от того могут родиться разные мысли, и может явиться греховный соблазн».

И продолжал:

«А если, как вы уже убедились, вам необходимо вступить в брак, то подумайте и о будущем супруге. Конечно, много молодых принцев провозглашают на площадях и дорогах ваше имя, но не о том думаю я. Не для греховного сожительства создано таинство брака, а для продолжения рода человеческого в смирении и любви к Богу. А что может дать вам молодой супруг, кроме греховных утех? Нет, я посоветовал бы вам избрать человека кроткого и богобоязненнаго, человека, умудренного опытом и искушенного в делах правления. Если бы, к примеру, супругом вашим мог быть дядя ваш, то какая радость воссияла бы над все-

ми подданными! Тяжко бремя власти, но он и так уже несет его, доставляя вам розы, а себе оставляя одни шипы».

Сильно смутилась Елизавета и сказала:

«Отче, но как же можно выйти замуж за родного дядю? Ведь это грех большой, и удивительно мне, что такое слышу».

«Грех, государыня? Конечно, грех, если нет благословения святейшего отца, а если благословение будет, — где же грех? Разве может благословить папа грешное дело? А примеры подобных браков бывали уже в библейской истории. Вспомните Лота и его дочерей, разве грешник он? Да и сама Пресвятая Дева Мария была обручена с Иосифом, опекуном и воспитателем, — а опекун все равно, что отец. Нет, дочь моя, не ко греху склоняю вас я, скромный служитель церкви, а к великому подвигу, который благословит и сам папа «.

Задумалась тут Елизавета.

«Отче», — сказала она, — «не приходилось мне еще думать об этом, что скажу вам теперь?»

И ушла к себе.

А вечером приходил к ней граф Фома. Долго говорил о государственных заботах, о благословении апостольского наместника и упорно смотрел в глаза, про которые поэты говорили:

У самой Святой Цецилии
Глаза не могли быть краше.

И под конец спросил, согласна ли она стать его супругой. При этом лицо его так горело, что широкая рыжая борода казалась исходящей из пламени.

И когда она ответила ему то же, что и монаху, вышел в сильном гневе, хотя и старался не показывать его. А узкие глаза в тот час стали еще уже и смотрели на всех встречных пронзительно.

А ночью, по свидетельству блаженного Мартина, был Елизавете сон:

Стоит она посреди большого сада, наполненного цветущими яблонями, от которых исходит сладчайший дух, и смотрит на небо. А в небе раскрываются золотые ворота и оттуда спускается на землю серебряная лестница, осыпанная звездами. По той лестнице идет к ней Пресвятая Дева Мария, в блестящих ризах, с полумесяцем на голове.

Подходит к Елизавете и ласково говорит:

«Будь верна мне, дитя мое. Указан тебе тяжкий путь, усеянный печалями, а ты иди по нем и будь для всех скорбящих источником светлой радости. Будь сосудом, из которого пьют все жаждущие, чьи уста воспалены от зноя. Суждено тебе променять мантию на нищенское рубище, не скорби об этом, ибо блаженны нищие».

И по серебряной лестнице отошла назад, закрылись за ней райские врата, а яблони осыпали на землю белый цвет.

Тут проснулась Елизавета, и стало ей сладко и страшно вместе. Великую милость оказал ей Господь, избрал ее вестницей своей радости, а как давать пить людям из того сосуда — не сказал.

Упала она на колени и долго молилась.

А в окно смотрела большая луна, выплывшая из-за зубчатых стен, и все спало кругом.

И не могла она больше уснуть. В легких ночных одеждах прошла ряд покоев и спустилась в сад.

* * * * * * * * * * * * * * *

Был тот сад очень велик, и у самого императора не было большего. Со всех сторон его окружали высокие стены, на которых днем и ночью перекликались часовые, так как время было неспокойное.

По обеим сторонам дорожек росли цветы, за которыми ухаживали искуснейшие садовники. А подальше от замка, где и теперь еще сохранились следы мраморного бассейна, диковинный фонтан, изображавший обнаженные тела, предававшиеся греху.

Говорили, что скромный граф не мог без смущения проходить мимо этого фонтана, так соблазнительны были фигуры.

Но Елизавета часто приходила сюда. Это было ее любимое место, и она была так невинна, что не замечала ничего, что могло привести в смущение других.

Тот же блаженный Мартин рассказывает:

«Она была столь девственна, что кавалеры могли бы в ее присутствии ласкать дам, и она ничего бы не поняла».

Медленно проходила юная государыня мимо благоухающих цветов, а крупные звезды шевелились в темной части неба и протягивали к ней лучи.

Была благодатная весна на исходе. Ночные твари пели хвалу Всевышнему, и сердце человеческое преисполнялось умилением.

Погруженная в благочестивые размышления о виденном сне, все ближе подходила она к излюбленному своему месту у фонтана, как вдруг заметила неизвестного мужчину, выходящего из вод бассейна. Он был совершенно наг, и с его широких плеч еще стекали струйки холодной воды. У него было красивое молодое лицо без бороды, а в глазах светилась глубокая печаль. Словно он успел изведать много лишений и тоску одиночества.

«Кто ты?» — спросила девственница, не смущаясь его наготой, а он в это время торопливо пытался прикрыть свою наготу кое-чем из одежды.

Он, видимо, стыдился и ответил не сразу:

«Я — наемный воин и в замке в первый раз. Я родом из далекой страны, где вода горных ручьев так же прозрачна, как здесь, в бассейне. Я давно не видел такой воды, и мне захотелось окунуться в нее, чтобы лучше вспомнить о родине».

И снова замолчал.

Луна поднялась еще выше, остановилась над башней и осветила все его тело, крепкое и стройное.

Она долго расспрашивала о его стране и узнала, что он очень беден и что родители его уже умерли от тоски по нем.

«Что же заставило тебя бросить их?» — спросила герцогиня.

И он рассказал про тяжкие лишения нужды там, дома, и про то, как хотел вернуться с деньгами, чтобы помочь матери, и про то, что его возлюбленная успела выйти замуж за другого. Теперь он совсем один.

И, когда по его смуглой щеке скатилась слеза, она подошла ближе и вытерла ее своей рукой.

«Госпожа», — сказал он, — «я не знаю, кто вы, завтра я снова уйду в поход, но да хранит вас Бог за вашу ласку. У меня много было горя и совсем не было радости; теперь я буду радоваться, вспоминая вас. А мое имя — Петр».

И, забыв о своей наготе, взял ее за руки, слегка притянул к себе и поцеловал пальцы.

И ей самой сделалось радостно и светло, и она не противилась, когда он снял с нее легкие одежды и, взяв на руки, понес в темное место, куда луна не роняла своих лучей.

Он ласкал ее на ложе из мягких пахучих трав и первый назвал ее «Сосудом светлой радости».

Блаженный Мартин в своих стихах, посвященных святой Елизавете, так описывает это событие:

«В тот миг словно меч архангела Гавриила рассек ее утробу, и звезды задрожали у самых ресниц ее. И в чистейшей слезе отразилась луна и свет звезд».

Наутро же, получив отказ на свое предложение, граф Фома показал придворным, что и он умеет гневаться. Во дворе замка семи знатным баронам, со времени мятежа бывшим в заточении, отрубили головы.

* * * * * * * * * * * * * * *

В то лето страшная проказа покарала жителей страны. По улицам города нельзя было ходить, так велико было зловоние, исходившее от трупов и от живых, бродивших меж трупами. По ночам вой псов заглушал оклики часовых, стерегших замок от заразы, которую мог занести кто-либо.

В ту пору граф издал приказ, грозивший смертной казнью всякому, кто осмелился бы подойти к стенам замка ближе, чем на три тысячи шагов; запретил здоровым оказывать помощь больным во избежание заразы и всем прокаженным повелел уйти из города в глухие места, где нет людей.

Великий плач стоял тогда в городе, ибо мужьям приходилось бросать жен, родителям детей и невесте жениха.

Но во всех храмах призывали повиноваться этому приказу и ослушников отлучали от церкви, ибо сказано, что паршивую овцу должно изгнать из стада, а зараженный член отрубить.

В ту годину скорби и бедствий вышла из замка только юная Елизавета, раздала бедным все, что имела при себе, и пошла к болящим делить их печали и лишения.

В глухой пещере, что за городом в лесу, лежал тогда юноша, по имени Варфоломей. Еще недавно все девушки города заглядывались на него, так был он хорош собой, но теперь сама смерть не хотела подступиться к нему.

Он был страшнее смерти, все тело его покрыл один гнойный смрадный струп. Он лежал один в пещере, потому что даже прокаженные не хотели быть с ним вместе, и громко проклинал мать, родившую его, и тщетно призывал невесту, в ужасе бежавшую от него.

Прослышав о нем, отправилась к нему Елизавета.

Трудно ей было дышать одним с ним воздухом, но не было в сердце ее отвращения. Целый день она говорила ему слова утешения и призывала к вере в грядущую радость.

На все это он отвечал бранью и горьким смехом.

Какая может быть радость ему?

Тогда сбросила она с себя одежды, легла с ним рядом и, говоря ласковые слова, согревала его своей теплотой.

И была ему, как невеста, как мать и как жена.

И стал он ей братом и мужем.

И такой радостью просветлело его лицо, что перестало казаться страшным, и смерть подступилась к нему.

Слабыми своими руками вырыла Елизавета могилу, опустила туда тело супруга, засыпала землей и положила свер-

ху камень, чтобы дикие звери не могли его вырыть.

И пошла дальше.

Она находила самых несчастных, самых обиженных и утешала их, как могла.

И когда того хотели, ложилась с прокаженными рядом и дарила их супружескими ласками, и они пили последнюю радость, какую она могла дать.

И все прокаженные прозвали ее — «Сосудом светлой радости», ибо никому не было от нее отказа.

И сколько ни пребывала она с больными, болезнь не приставала к ней, и с каждым днем красота ее увеличивалась.

И под конец на нее трудно было смотреть, так прекрасно было ее лицо, и так сияли глаза.

Целый год переходила она с места на место, погребая мертвых и служа живым, пока не пришла снова в свой город.

На воротах замка увидела она указ графа Фомы, дяди ее, которым она объявлялась лишенной престола за распутство и блуд.

И всем жителям предписывалось при встрече с ней схватить ее и доставить государю всемилостивейшему, герцогу Фоме, милостью Божьей.

Тогда села она на дорожный камень отдохнуть и собраться с силами. Но тут подошла стража и схватила ее.

Ее посадили в темницу и поставили верных часовых, чтобы она никуда не могла убежать. А ночью пришел к ней граф и гневно спросил, хочет ли она купить себе жизнь ценой одной ночи. Он был распален страстью и не мог от того громко говорить и только хрипел.

И Елизавета сказала ему: — «Нет».

После приходил к ней духовник ее, аббат Кароцци, говорил слова утешения, а когда она исповедалась во всех делах своих, то сказал:

«Давно уже, дочь моя, из-за тебя я жестоко истязую плоть. И не все ли тебе равно? Ты ведь принадлежала всем и каждому, неужели теперь ты откажешь тому, кто последний дает тебе слова утешения и надежды? Отдайся мне только раз, и я добьюсь отмены смертной казни».

И в первый раз разгневалась юница и велела ему выйти вон. И, когда монах выходил из темницы, стража расступилась в страхе от скрежета его зубов.

Утром палач на площади отрубил ей голову на шестнадцатом году ее жизни. Тело ее было оставлено на поругание уличной черни и лежало так два дня, а в другом конце площади валялась в пыли голова, завернутая в светлые косы.

* * * * * * * * * * * * * * *

Ночью проходили через площадь пьяные воины. Они громко пели песни, кричали и рассказывали друг другу непристойные истории.

Вот подошли они ближе и увидели мертвое тело, на вид ничем не отличавшееся от живого, но только необыкновенной красоты.

Тогда один из них подошел к трупу и ради озорства стал гладить белые груди, которые были, словно лилии на заре, когда кадят благовония Творцу. Другой со смехом наклонился, раздвинул ее колени и призывал товарищей посмотреть на то, что самой природой скрыто от посторонних взоров. И все громко веселились и подзадоривали друг друга к еще большим бесчинствам.

И тот, что подошел первым, по имени Петр, распалился грешной похотью.

Поощряемый пьяными товарищами и прельщенный красотой тела, он не сдержался и, расстегнувшись, стал творить с мертвой непотребство.

И вдруг, когда общее веселье достигло предела, вскочил в страхе и закричал:

«Клянусь Пресвятой Богоматерью, она девственна!»

И все смутились, ибо знали, что это труп блудницы.

В это время кто-то принес голову Елизаветы.

Петр посмотрел на нее и узнал ту, что впервые отдалась ему у фонтана ночью в саду.

И, громко закричав, бросился бежать прочь.

И его товарищи, гонимые страхом, бежали за ним.

Когда площадь опустела, из глухих переулков, прячась в тени домов, вышли люди. Это были прокаженные, которым под страхом смерти запрещен был вход в город. До них дошли уже слухи о казни Елизаветы, и они пришли взять ее труп и похоронить в уединенном месте, в лесу, возле могилы Варфоломея.

А Петр целую ночь блуждал по отдаленным улицам города, крича и плача, а, когда взошло солнце, все люди в страхе бежали от него прочь — весь он был покрыт проказой, и вид его был нестерпим для глаз.

И от него исходил такой смрад, что пришедшие объявить ему изгнание не могли подойти близко, а кричали издали и грозили кулаками.

Много дней проблуждал он в одиночестве, покинутый всеми, и пришел, наконец, в то место, где была могила Елизаветы.

Он знал ее уже раньше, но его не подпускали другие прокаженные, теперь же здесь никого не было.

Тогда упал Петр на могилу, охватил руками надгробный камень и горько заплакал, вспоминая свою первую светлую радость. Долго он плакал, а когда поднял глаза, то увидел, что невдалеке стоят прокаженные, указывают на него друг другу и тихо шепчутся.

Он подумал сначала, что это они сговариваются против него, но нет — они смотрели с благоговением и любовью. Тогда он посмотрел на свои руки, — они были чисты от проказы. Он сорвал с себя одежды и увидел, что все тело его чисто и прекраснее, чем когда-либо.

Тут он понял, что произошло чудо, из глаз его побежали радостные слезы, он тихо склонился и умер.

Тогда, все прокаженные бросились к могиле Елизаветы, припадали к ней грудью и получали исцеление по своей вере.

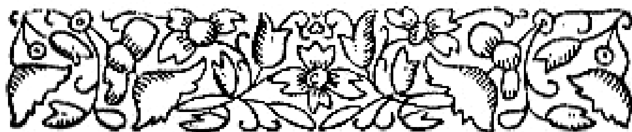
С тех пор прошло много лет, и, хотя святой Елизавете не соорудили раки, в народе ее объявили святой.

Многие страждущие находят у нее исцеление от скорбей и болезней и называют ее «Сосуд светлой радости».

А на могиле святой выросли необыкновенные цветы и окраска у них такая алая, что им дали имя «Уста святой Елизаветы».

По свидетельству блаженного Мартина, цветы эти растут только на могиле святой Елизаветы, и на всей земле нет другого места, где бы еще росли такие цветы.

Велика благость Господня и неисповедимы пути Его.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ГРЕШНИЦЫ

Екатерина была дочерью бедного ремесленника. Еще в детстве, посещая церковные службы, где так хорошо играли на органе, она решила постричься в монахини.

Но дома было много работы, мать часто хворала, и у доброй девушки не хватило решимости лишить семью своей поддержки.

К девятнадцати годам она очень окрепла, но среди соседей слыла дурнушкой, хотя у нее были розовые щеки и милый свежий голосок.

Потом откуда-то подвернулся странствующий сапожный подмастерье, который так хорошо рассказывал про разные монастыри, что можно было без конца слушать и мечтать.

Однажды вечером возле колодца он пожаловался ей на свое одиночество и на то, что ни одна девушка не хочет выйти за него из-за его бедности, и Екатерина заплакала из сострадания.

В ту же ночь она согласилась прийти в городской садик к каменной скамейке и сдалась без особой борьбы и сопротивления. Конечно, он оставил ее так же скоро, как многих других до нее, но она никогда не сердилась на это; все же он был добрый малый и целый месяц называл ее самыми ласковыми именами.

Он ушел дальше рассказывать о монастырях и замках, а она по-прежнему осталась в родном городке, невзирая на упреки и презрение, которыми ее все осыпали. Когда у нее родился мальчик, она, может быть, подурнела еще больше, но глаза стали такими светлыми и радостными, как у мадонны, что нарисована в церкви.

Старый священник долго укорял ее за безнравственность, но под конец не выдержал и сознался, что у нее славный ребенок.

В благодарность за это Екатерина на последние деньги накупила цветных лент и украсила ими статую Девы Марии в церковном дворе.

Потом ее упрекали, что она слишком часто навещает кузнеца Мартина, но у бедняги ведь не было никого, кто мог бы последить за его бельем.

Зимой он женился на ее подруге.

* * * * * * * * * * * * * * *

На следующий год в городе остановились солдаты, и один из них попросил у Екатерины напиться.

Он был похож на сапожного подмастерья, и девушка не могла отказать ему и в другой просьбе. Они встретились у той же каменной скамейки, и Екатерине показалось, что последних двух лет не было вовсе, а был тот же июнь и та же радость, и даже те слова.

Родители гнали ее прочь, и она ушла с солдатами, примостившись на обозной тележке, где в пустом ящике спал ее мальчуган. Они шли кого-то бить — мужчины всегда воюют, но она думала только о том, чтобы не потерять ребенка и вовремя постирать Якову белье.

А это было так трудно.

Никто толком не знал, где будет остановка и сколько времени придется стоять.

Потом наступили холода, ребенок простудился и умер, глаза у Екатерины перестали светиться, и она стала совсем дурнушкой.

Над ней часто смеялись, но она не думала, что ее хотят обидеть, и потому смеялась вместе с ними.

В походе смех слышится не так часто, чтобы на него обижаться.

В горной деревушке, где полк остановился, наконец, на зимовку, все женщины не хотели разговаривать с Екатериной и не пускали ее в дом.

Пришлось устроиться у хромого бочара, на самой окраине. А парни постоянно хватали ее за груди и обзывали такими именами, что если бы ее малютка не умер, он наверное расплакался бы за свою мать.

Так как в деревушке было очень скучно, девушек мало, и притом они отличались твердыми нравами, то солдаты предавались игре в кости.

Случилось, что Якову сильно не повезло, и он поставил на ставку Екатерину и проиграл.

Смеясь, он сказал приятелю:

«Во всяком случае, она отлично стирает белье. Это коечего стоит».

Игра велась честно, и ей ничего не оставалось, как перейти к этому Марку, хотя он так часто бывал грубым и несправедливым. И трусливым.

Она покорно переносила его брань и побои и только чаще прежнего вспоминала родной городок, семью и доброго священника, сказавшего, что у нее славный малыш.

Но подумайте, как быстро идет время. У глаз ее прорезались морщинки, а в волосах кое-где появилась седина.

К весне Яков вспомнил о ней и, когда снова тронулись в поход, целый день шел возле ее тележки.

Он стал очень добрым и все говорил о ее мальчике, которого раньше не замечал.

Она была очень благодарна ему за это.

Вечером Марк сильно прибил ее и выбил изо рта два зуба.

Екатерина молилась всю ночь и заснула только под утро, когда уже забили в барабан.

Товарищи заметили происки Якова и стали над ним посмеиваться.

Он был самолюбив и заявил, что непременно добьется своего и докажет им это. Состоялось пари, и три приятеля вызвались быть свидетелями.

В дороге Яков шепнул Екатерине, что имеет к ней очень важное дело и они должны встретиться на привале. При этом глаза у него были такие ласковые, что она вспомнила свои выбитые зубы и чуть не расплакалась.

* * * * * * * * * * * * * * *

Это было трудно — обмануть Марка, но она взяла его грязную рубаху и заявила, что идет стирать. Возле реки уже ждал Яков. Он сразу подошел к ней и обнял за талию, но она вырвалась и пригрозила уйти. Пусть говорит о деле.

Тогда он вздохнул и покорился. И заговорил о том, что ему теперь очень тяжело и скучно без нее и ребенка. Ах, это был такой славный ребенок. Всегда такой веселый и приветливый. Если бы только у него самого мог быть такой мальчик, это было бы большое счастье.

— Никто не знает, как долго продлится поход, молодые годы проходят, и, когда придет старость, некому будет и глаз закрыть.

— Иметь маленького, крошечного мальчугана, со светлыми кудряшками и голубыми глазенками, как у Екатерины.

— Что? Она еще сердится? Но Боже мой, что же было делать? Ему нечем было уплатить проигрыша, а он никогда не был мошенником.

— Но он очень раскаивается в этом и готов плакать по ночам, когда видит ее во сне.

— Да, она часто ему снится, и вместе с ребенком.

Потом он просто сказал, что хочет иметь от нее ребенка, и поцеловал у нее руку. Это было в первый раз. Никогда еще никто не целовал ее руки.

Она заплакала и сказала, что все прощает, и если Марк даже убьет ее, она не боится, потому что так жить очень трудно, и она не может без ребенка.

Когда луна взошла над церковью, он увел ее к развалинам каменоломни и сделал все, что хотел.

Она оправила платье и присела на камень, думая о чем-то своем.

Тогда из-за старой стены вышли три солдата и, смеясь, поздравили ее с новым бракосочетанием, а один попросил повторить с ним всю историю сначала.

* * * * * * * * * * * * * * *

Она больше не вернулась к Марку.

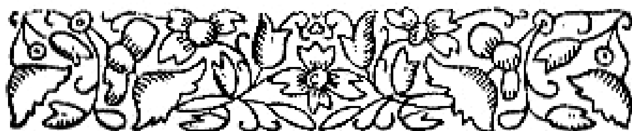
В ту же ночь она отправилась домой, расспрашивая жителей о дороге. Никто не знал ее городка, и ей пришлось много выстрадать, прежде чем она ступила на порог своего дома.

Она пришла как раз вовремя, чтобы выслушать проклятие умирающей матери и закрыть ей глаза.

Ее травили, как дикого зверя и она снова ушла.

На этот раз никто не знал, куда.

Да и не все ли равно?

ОБ АВТОРЕ

Владимир Львович Корвин-Пиотровский родился в 1891 г. в Киеве в смешанной польско-русской семье; утверждал, что корни семьи аристократические и дворянские. Детство и юность провел в Белой Церкви, где, очевидно, учился в гимназии.

С 1909 г. служил в артиллерийских войсках. В 1913 г. совместно с В. Якериным выпустил кн. *Стихотворения. Вып. I*. Был артиллерийским офицером во время Первой мировой войны, участвовал в Гражданской войне на стороне белых. Оказался в польском лагере и после побега в 1921 г. был выслан в Германию.

В эмиграции работал шофером, метранпажем в газ. *Накануне*; одновременно стал заметным литературным деятелем — был редактором изд-ва «Манфред», руководил отделом поэзии в журнале *Сполохи*, входил в писательское содружество «Веретено»; после раскола в содружестве участвовал в работе кружка «Братство Круглого Стола» и Клуба поэтов (1928-1933), печатался в коллективных сборниках.

В Берлине выпустил кн. стихов *Полынь и звезды* (1923), *Святогор-скит* (1923) и *Каменная любовь* (1925), кн. стихотворных драм *Беатриче* (1929), а также цикл рассказов *Примеры господина аббата* (1922) и написанный совместно с О. Савичем фантастический роман *Атлантида под водой* (вышел в СССР в 1927

г. под псевд. Рене Каду); ему принадлежат также три детские кн. (вероятно, написанные совместно с Ю. Офросимовым).

В 1930 г. женился на Н. А. Каплун (1906-1975), в 1935 г. у них родился сын Андрей, впоследствии профессор математики Андре де Корвин. В 1939 г. семья переехала в Париж вместе с французским посольством, где работала Каплун. После оккупации Франции Пиотровский (именно так он подписывался до 1945 года) стал участником движения Сопротивления; был арестован гестапо и с 3 января по 21 августа 1944 г. находился в тюрьмах. По непроверенным сведениям, был приговорен к расстрелу, однако вместе с другими заключенными был обменян на пленных офицеров СС. После войны участвовал в работе Объединения русских писателей и поэтов во Франции и вошел в состав его «Коллегии по проверке деятельности отдельных лиц в годы оккупации»; в 1948 г. был награжден французской медалью Освобождения за участие в движении Сопротивления.

В первые послевоенные годы испытывал симпатии к СССР и даже вошел в группу «возвращенцев», с которой вскоре расстался. В 1945-1960 гг. участвовал в парижских литературных вечерах и чтениях, публиковался в альманах и др. коллективных изданиях, *Новом журнале*, выпустил кн. стихов *Воздушный змей* (1950) и *Поражение* (1960). В начале 1961 г. переселился с семьей в США, принял американское гражданство; существовал с женой на французские сбережения и денежную помощь сына. Свои предвоенные сочинения поэт в большинстве случаев не признавал и лишь немногие стихотворения считал удачными.

В. Корвин-Пиотровский скончался от аневризма аорты в Лос-Анджелесе в 1966 г. Посмертно вышло двухтомное собрание сочинений *Поздний гость* (1968-69); относительно полное одноименное собрание было издано в России лишь в 2012 г.

\-\-\-\-\-

Книга *Примеры господина аббата* вышла в свет в Берлине в 1922 г. под маркой изд-ва «Труд» и была расценена современниками как фривольная; ср. отзыв Г. Струве, писавшего о «слабых рассказах (с налетом порнографии)». Текст публикуется по первому изданию; орфография приближена к современным нормам, пунктуация сохранена авторская. Заставки П. Питтума взяты из первого издания.

Оглавление

ТЕМНЫЕ СТРАСТИ

SALAMANDRA P.V.V.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.